

Ферал Фавн

Полицейские в наших головах.

Во время моих путешествий последних нескольких месяцев, я много общался с анархистами, которые считают анархию этическим принципом. Некоторые в этом уходят настолько далеко, что говорят о анархии, как о некоем божестве, которому они себя дарят, укрепляя тем самым мои ощущения того, что те, кто хочет познать(пережить) анархию, должны отторгнуться от анархизма.

Одной из самых распространенных из услышанных мной концепций анархизма является принципиальный отказ от использования силы для навязывания своей воли другим. Из этой концепции проистекают выводы, с которыми я не могу согласиться. Они означают, что господство — это, в основном, вопрос личной этики, а не результат социальных ролей или отношений, что мы все равны в возможности осуществления господства, и что мы должны самодисциплинироваться для предотвращения этого. Если же господство — это результат социальных ролей и социальных отношений, тогда подобный этический принцип совершенно абсурден, поскольку этика является не более, чем способом разделения политическим корректного (святого) от некорректного (проклятого). Подобное определение анархии приводит анархических повстанцев к состоянию еще большей слабости в уже односторонней борьбе против власти. Все формы насилия в отношении людей или имущества, всеобщие забастовки, кражи или такие формы деятельности, как гражданское неповиновение являются навязыванием силой своей воли. Отказ от использования силы для навязывания своей воли означает стать совершенно пассивным — стать рабом. Эта концепция анархии делает ее законом контроля наших жизней, а это противоречит понятию анархии.

Попытка создать из анархии этический принцип искажает ее реальное значение. Анархия описывает конкретную ситуацию, в которой не существует власти или ее контроль сведен на нет. Подобная ситуация ничего не гарантирует, даже дальнейшего ее продолжения, но она открывает возможность для каждого из нас начать создавать свою жизнь, опираясь на свои собственные желания и намерения, а не под влиянием социальных ролей и требований общественного порядка. Анархия не является целью революции, но ситуацией, которая делает возможной единственный интересующий меня тип революции — бунт людей ради того, чтобы жить так, как им хочется, и разрушение всего, что стоит у них на пути. Эта свободная от каких-либо моральных принципов ситуация предоставляет нам аморальную возможность жить своей жизнью без ограничений.

Учитывая то, что анархическая ситуация аморальна, тогда идея анархической нравственности представляется крайне подозрительной. Нравственность — система принципов, определяющих что является правильным и неправильным поведением. Она подразумевает наличие неких абсолютов вне людей, с помощью которых они должны определять себя. Я не хотел бы говорить о концепции “общности всех людей” в этой статье — моя позиция заключается

в том, что независимо на чем базируется этика, она всегда будет находится вне нас и являться чем-то внешним для жизни человека. Независимо от того, что представляет из себя основу этики — бог, патриотизм, человечность, производственные нужды, естественный закон, “Земля”, анархия или даже человек, она всегда будет абстрактной управляющей нами идеей. Этика — это форма власти, которая будет подрываться анархической ситуацией так же как и любая другая форма власти, если данная ситуация будет продолжаться до последнего.

Этика и рассудительность идут рука об руку. Критицизм, даже суровый, жестокий критицизм, очень важен для совершенствования нашего повстанческого анализа и практики, но рассудительность должна быть полностью искоренена. Рассудительность делит людей на виновных и невиновных, а вина — один из мощнейших орудий репрессии. Когда мы выносим решение и осуждаем самих себя или кого-то другого, мы подавляем противодействие, что и является главной целью механизма вины. (Это не означает, что мы не должны ненавидеть или желать убить кого-то — это было абсурдно при создании не этической нравственности, но наша ненависть должна быть определена как личное чувство и не определена в моральном плане.) Радикальная критика берет начало в реальном опыте, деятельности и желаниях отдельных лиц, а ее целью является освобождающий мятеж. Рассудительность же вытекает из принципов и идеалов внешних нам, она направлена на порабощения нас этими идеалами. Когда рождается анархическая ситуация, рассудительность исчезает, освобождая людей от вины, как во время некоторых беспорядков, когда люди всех сортов грабят и уничтожают разнообразную собственность вместе в духе радости, несмотря на то, что всех учили уважать частную собственность. Мораль требует вины, свобода требует ликвидации вины.

Кто-то из дадаистов как-то сказал: “Руководствоваться этическими принципами — значит быть ничем другим как пассивным придатком полицейского. . . именно это и является источником нашего рабства.” Конечно, этика — источник пассивности. Я слышал о нескольких случаях, когда крупномасштабные анархические ситуации после своего начала развились совсем немного, их энергии расстратилась и большинство их участников вернулись к своим не-жизням, к своему состоянию до восстания. Эти события показывают, что, несмотря на степень социального контроля понижающего наше существование, мы можем восстать. Но против полицейских в наших головах (мораль, вина и страх) также нужно восстать. Каждая система морали, независимо от того что она утверждает, ограничивает умеющиеся у нас возможности, подавляя наши желания. И это ограничения не основаны на наших фактических возможностях, а на абстрактных идеях, которые препятствуют нам изучать наши возможности в полной мере. Во многих анархических ситуациях случившихся в прошлом полицейские в головах людей (корни страха, морали и вины) пугали их, оставляя их покорными настолько, что они отступали обратно в

безопасность своих клеток.

Это важно, потому что анархические ситуации происходят не просто так из ниоткуда, они — результат деятельности людей, разочарованных в своих жизнях. Каждый из нас может создать подобную ситуацию в любой момент времени. Но мы все терпеливо ожидаем анархических ситуаций, чтобы они упали нам с неба, а когда они гремят взрывами мы не можем их поддержать. Даже те из нас, кто сознательно отказался от морали все равно колеблются, задерживая действие, потому что боятся полицейских, даже если нет никаких настоящих полицейских вокруг. Мораль, вина и страх осуждения — это полицейские в наших головах, они уничтожают нашу спонтанность, нашу дикость, нашу возможность жить своими жизнями в полной мере.

Полицейские в наших головах будут продолжать подавлять наше бунтарство до тех пор, пока мы не научимся рисковать. Я не имею ввиду, что мы должны быть глупцами, ведь в тюрьме нет ничего анархического или свободного, но без риска нет приключений, нет жизни. Именно самомотивационная деятельность и есть той деятельностью, которая основывается на наших желаниях и стремлениях, а не на попытках соответствовать каким-то определенным принципам и идеалам, или принадлежать какой-то группе (в том числе “анархистов”), именно подобная деятельность может привести к ситуации анархии, которая откроет мир возможностей ограниченный лишь нашими способностями. Важно научиться свободно выражать свои желания — это умение, которому можно научиться лишь используя его. Когда мы чувствуем отвращение, злость, радость, желание, грусть, любовь, ненависть мы должны выражать их. Это не просто. Чаще всего я нахожу себя попадающим в соответствующую социальную роль, когда хочу выразить нечто иное. Я пойду в магазин, ощущая отвращение ко всему этому процессу экономических отношений, и тем не менее вежливо поблагодарю клерка за помощь в участии в этой процессе. Делал ли я это сознательно для прикрытия шоплифтинга (это было бы весело использовать свой ум для получения желаемого), но это просто укоренный обществом ответ — полицейский в моей голове. Я совершенствуюсь, но это чертовски длинный путь. Все чаще я стараюсь действовать согласно своим желаниям, действовать спонтанно, не обращая внимание на то, что обо мне думают другие. Это самомотивируемая деятельность основывается на наших желаниях и намерениях, нашем подавленном воображении, нашей уникальной креативности. Конечно, следуя нашей субъективности, подобный путь жизни для себя, может привести к тому, что мы будем делать ошибки, но эти ошибки будут несопоставимы с теми ошибками, которые мы бы совершали существуя как зомби, в повиновении властям, морали, правилам и законам. Жизнь без риска, без возможности ошибаться — это не жизнь вообще. Только благодаря риску и пренебрежению всеми законами, благодаря жизни для себя самих, мы сможем жить полной жизнью.

Я не хочу каких-либо ограничений моей жизни, я хочу, чтобы были открыты

все возможности, чтобы я мог жить своей жизнью для себя в любое время. Это означает уничтожения всех социальных ролей и уничтожения всех нравственных принципов. Когда анархист или любой другой радикал начинанет проповедовать мне свои моральные принципы: непринуждения, глубинной экологии, коммунизма, милитантизма или даже какие-то идеологические принципы — я слышу лишь полицейского или жреца, и я не хочу вести дела с такими людьми — я их игнорирую. Я стараюсь создать ситуацию, при которой я смогу жить свободно, будучи тем, кем я хочу быть, в мире свободных людей, с которыми я мог бы иметь отношения, основанные на наших желаниях без каких-либо ограничений. Анархия и мораль противоположны друг другу, и любое эффективное действие против власти нуждается в возражении морали и уничтожении полицейских в наших головах.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Ферал Фавн

Полицейские в наших головах.

1990

Первоначально издано в журнале Anarchy: A Journal Of Desire Armed #24, март-апрель 1990.

Перезидано издательством Elephant Editions
(Лондон) в 2000/2001 в сборнике "Feral Revolution".

Перепечатано в памфлете "The Quest for the Spiritual"
коллективом Venomous Butterfly Publications.

Текст на английском: anti-politics.net

Перевод на русский: semixhalf
primitiv.anho.org